

от 8 ФЕВ. 1962

г. Астрахань

Газета № . . .

„Моя Африка“

мира, сменяется
образом его лю-
бимой жены.
«Очи мои, губы

Звучные строки
стихов текут в
зрительный зал,
сплетаясь с жар-
ким ритмом самбы. Кажется, буд-
то крепкие ветви деревьев пере-
виваются жгутами лиан. В тропи-
ческом полумраке возникают об-
разы, то чарующие и сказочные,
то страшные, трагические.

Африка, Африка моя!
Африка гордых воинов и саванн,
Алмазных россыпей и
нищеты, —

Я никогда тебя не знал,

Но полон тобою мой взгляд...

«Моя Африка» назвал свою
литературную композицию мос-
ковский артист Николай Алек-
сандрович Голубенцев, выступаю-
щий сейчас в Астрахани. Это не
Африка поэтов, из творений кото-
рых состоит композиция. Не ли-
тературная иллюстрация к волну-
ющим всех событиям. Искусство
чтеца — особая область творче-
ства. В нем своеобразно сочетают-
ся элементы поэтической импрови-
зации и театра. Он самостоятель-
ный художник.

В творческой интерпретации
московского артиста Африка —
далекый континент, увиденный
глазами бойцов Октябрьской рево-
люции. Африка своеобразной
культуры — по-детски непосред-
ственного искусства пигмеев и не-
разгаданно древнего искусства
Бенина, быть может, уходящего
корнями в загадочную Атлантиду.
Горячая кровь негров засверкала
в ритмах современной музыки, в
непосредственности поэзии. Это
Африка пылающая, гневная, рву-
щая цепи рабства.

Чтобы донести до аудитории
свои мысли и чувства, мастеру
художественного слова нужно со-
вместить в своем лице целый теат-
ральный коллектив. Он сам делает
композицию, выбрасывая то, что
плохо воспринимается на слух.
Сам, подобно режиссеру, должен
найти общий тон литературного
концерта. И, наконец, он должен
точными актерскими штрихами
нарисовать людей, о которых го-

ворит. Он раскрывает смысл каж-
дого слова, порою вкладывая в не-
го новое значение, которое считает
нужным донести до слушателя.

Все это прекрасно удается Го-
лубенцеву. Когда артист произно-
сит строки из «Невольничьего ко-
рабля» Гейне: «В каюте сидит су-
перкарго Ван-Гойк, уткнувшись в
реестр товарный», — он, разуме-
ется, не меняет костюма и не на-
водит перед этим грим. Но перед
нами происходит чудесное превра-
щение. Мы видим пирата, охотни-
ка за людьми — с безразличным и
хищным ртом, с тяжелой че-
люстью и мутными глазами убий-
цы. «Сивуху дрянную отдал за
них, стекляшки и позументы.
Пусть триста подохнут, и то мой
барыш превысит семьсот процен-
тов», — произносит Ван-Гойк. И
в эту интонацию вплетается сар-
кастическая нота, выражающая от-
ношение автора композиции к
торговцам «черным мясом» прош-
лого и настоящего.

Эта многоплановость чтения
особенное впечатление производит
в исполнении Голубенцевым поэмы
Бориса Корнилова «Моя Африка».
Артист заставляет нас увидеть,
почувствовать метель на пустын-
ном Невском, игру поэмки, и со-
стояние больного, начинающего
бредить художника, пробирающе-
гося домой в ночи. И вот уже Го-
лубенцев — негр-кавалерист, ко-
торого вдруг видит замерзающий
юноша. «Глаза глядели яростно и
косо, в ночи огнями белыми горя,
широкого приплюснутого носа по-
шевелилась черная ноздря... Он
шел вперед, на памятник похо-
жий, на севере, в метели, черно-
кожий...» Голубенцев мастерски в
одно и то же время передает и сам
образ странного негра и полу-
реальное, почти фантастическое
восприятие его воспаленным умом
художника.

Богата творческая палитра ар-
тиста.

Когда Голубенцев читает стихо-
творение Нозмьи де Соузы «Сам-
ба», кажется, что слова вырастают
из жаркой музыки африканских
напевов. Артист слегка покачи-
вается в такт мелодии, произнося
чеканные строки, и перед нами
возникают образы танцующих не-
гров, вдруг вспомнивших при зву-
ках самбы свою далекую родину
и то, «что кандалы на неграх не
распались, что корабли неволь-
ничьи все рыщут... и все еще на
свете существуют, лишь изменив
свое название...»

Совсем иначе звучат стихи На-
зыма Хикмета «Письма к Тара-
нта-Бабу». Голубенцев садится на
стул, подперев голову руками, как
близким знакомым, рассказывает
слушателям об истории этих пи-
сем, об африканце, который при-
ехал в Рим учиться, но погиб в
застенках Муссолини. Образ не-
гра, пораженного несправедли-
востью и ложью цивилизованного

моем, Таранта-Бабу! Шлю тебе это
письмо из Рима, не приложив ниче-
го для подарка жене любимой,
кроме большой своей любви», —
произносит артист. В голосе его
звучат интимные ноты нежности
и любви, и, вместе с тем, едва
уловимый авторский тон уже на-
мекает на будущую трагедию.

Голубенцев пользуется скупы-
ми, ненавязчивыми жестами и ин-
тонациями, заставляя слушателя
досоздавать зрительные образы,
участвовать в творческом процес-
се. Когда артист перед концом
композиции спускается в зритель-
ный зал, это выглядит вполне
естественным, ибо творческое об-
щение со слушателем уже дости-
гнуто. И в приобщении народа к
процессу художественного мышле-
ния, к самостоятельному творче-
ству, искусству чтеца, так же как
и театральному искусству, принад-
лежит в будущем большая роль.

Г. КАНАЕВА.